

Глава 64

Мой

Голосок у кота оказался тоненьким, нежным и по-детски писклявым.

Бай Юй на мгновение опешил, а затем легонько щелкнул питомца по носу и негромко рассмеялся:

— Так ты у нас, оказывается, маленький подлиза.

Многие кошки умеют мастерски прикидываться ласковыми перед хозяевами, и Бай Юй, через чьи руки прошли тысячи животных, навидался таких «артистов» вдоволь. Однако этот бело-золотой комок, которого он подобрал на улице, впервые заговорил с ним столь заискивающим тоном.

И впервые лизнул его.

Опираясь на свой многолетний опыт, Бай Юй знал: если кот начинает вылизывать человека, значит, он привык к нему и признал своим.

«Надо же, этот маленький неблагодарный волчонок наконец-то оттаял», — подумал лекарь.

Здоровье у Туаньцзы было слабым, к тому же мешали раны, поэтому Бай Юй каждый день старался раздобыть для него лучшее мясо. В эту эпоху технологии животноводства оставляли желать лучшего, и качественные продукты стоили баснословно дорого. Если так пойдет и дальше, кот просто пустит своего благодетеля по миру.

Но даже при таком королевском уходе зверек при каждой встрече старался обойти врача по широкой дуге. Стоило Бай Юю попытаться взять его на руки или погладить, как кот замирал от ужаса, будто перед ним было жуткое инопланетное чудовище. Бай Юй уже начал всерьез сомневаться в своей профессиональной харизме — а ведь в прошлой жизни собаки и кошки его просто обожали.

Сейчас же кот чинно подогнул лапки и, не мигая, уставился на царапину на тыльной стороне ладони врача. Вид у него был на редкость виноватый.

Бай Юй протянул руку, пересадил пушистого пациента обратно к себе на колени и ласково взъерошил мягкую шерстку на макушке.

— Ну что? Теперь ты меня не боишься?

Имюэль невольно втянул голову в плечи.

«Боюсь...»

Но вслух он, разумеется, ничего не сказал, лишь снова издал тихое, жалобное «мя».

Герцог внимательно следил за лицом лекаря. Несмотря на то, что он его оцарапал, Бай Юй оставался невозмутим. Его пальцы, мерно поглаживающие спину кота, были точными и уверенными. Прикосновения к самым корням шерсти приносили несказанное облегчение.

«Кажется, он не сердится».

Имюэль облегченно выдохнул и, обхватив лапами собственный хвост, поудобнее устроился на коленях врача. Период трансформации всё еще терзал его тело, лишая сил.

Однако Бай Юй не дал ему провалиться в сон. Он осторожно отвел хвост в сторону и выставил перед мордочкой кота указательный палец. Вспомнив недавние судороги, врач решил осмотреть слизистую языка, чтобы точнее определить состояние здоровья питомца.

— Давай, лизни еще раз, — вкрадчиво проговорил лекарь.

«...»

«?»

«!»

Имюэль резко распахнул глаза, подпрыгнул и, не удержавшись, кубарем скатился с колен Бай Юя прямо на матрас.

«Лизнуть?! Что еще лизнуть?! — герцог едва не задохнулся от возмущения. — Извращенец! Паршивый извращенец!»

Одно дело — добровольно зализать рану, заглаживая вину, и совсем другое — когда тебя заставляют вылизывать пальцы!

Великий герцог Иллирии перекатился по матрасу, напоминая комочек подтаявшего крема. Он с трудом принял вертикальное положение, чувствуя, как всё тело охватывает жар, а лазурные глаза гневно сверкнули, обещая лекарю мучительную смерть.

«Будь ты проклят! Я сравню твою лечебницу с землей! Я прикажу выставить тебя на

позорный столб и проведу по всем улицам города!»

Однако, какими бы свирепыми ни были мысли Имюэля, для Бай Юя он оставался лишь крохотным, забавным котенком.

Врач снова протянул палец к самой мордочке Имюэля и продолжил уговаривать:

— Ну же, лизни. И не забудь высунуть язык посильнее.

«Он... он еще и требует высунуть язык!»

Грудь Имюэля часто вздымалась — от ярости боль трансформации на миг даже отступила. Он зажмурился, судорожно повторяя про себя:

«Я в чужом доме... я завишу от него! Я сам его оцарапал, я виноват первым! Нельзя перечить лекарю... нельзя перечить этому костоправу!»

Прокрутив эту мантру несколько раз, герцог наконец сумел подавить вспышку гнева. Собрав остатки самообладания, он сделал глубокий вдох, подался вперед и молниеносно коснулся пальца врача.

Нежно-розовый язычок едва задел кожу — и тут же исчез.

Бай Юй: «...»

Слишком быстро. Он так и не успел ничего разглядеть.

Но кот, судя по всему, больше не намерен был сотрудничать. Он демонстративно отполз к самому краю кровати и замер, не реагируя ни на какие призывы.

— Ну ладно, — вздохнул Бай Юй.

Судя по бодрому настрою питомца, ничего серьезного с ним не случилось. Врач не стал настаивать, снял очки, положив их на тумбочку и выключил свет.

В спальне воцарилась тьма, нарушаемая лишь призрачным отблеском луны из окна.

— Спокойной ночи, котик, — тихо произнес Бай Юй.

Имюэль едва заметно дернул хвостом.

Сон врача всегда был глубоким и размеренным, словно по часам. Вскоре в тишине комнаты осталось лишь его ровное, спокойное дыхание.

Имюэль лежал на краю постели, лениво помахивая хвостом, но уснуть не мог. Боль в суставах и мышцах была подобна яду, медленно растекающемуся по венам. Она накатывала волнами, изнуряя и не давая покоя.

Герцог тихонько вздохнул. Он лежал у самого края, откуда неприятно сквозило. Тепло его маленького тела быстро улетучивалось, и мышцы снова начали каменеть от боли.

Имюэль осторожно придвинулся ближе к середине кровати, наострив уши.

Врач крепко спал.

Кот передвинулся еще на пару дюймов, замер, прислушался... снова сдвинулся... и в конце концов оказался вплотную к Бай Юю.

От кожи мужчины исходил жар, превращая его в подобие огромной грелки. Имюэль с наслаждением зажмурился и, прижавшись к теплему боку, наконец-то провалился в сон.

Ему снилось, что он вернулся в свой дворец в разгар снежной зимы. В спальне уютно потрескивал камин, а он сам, укутавшись в мягкий плед, дремал на подушках после обеда. Единственное, что портило идиллию — подушка была непривычно твердой.

Проснувшись на следующее утро, Имюэль первым делом увидел лицо лекаря совсем близко.

Бай Юй уже не спал. Он снова читал свой сборник стихов, опустив холодный, сосредоточенный взгляд на страницы. Его профиль с прямой спинкой носа казался высеченным из камня. А сам Имюэль всё это время сладко сопел, положив голову на предплечье врача.

Заметив, что кот проснулся, Бай Юй осторожно высвободил руку.

— Доброе утро, малыш.

Кот, видимо, заснул только под утро, поэтому Бай Юй не стал вставать и тревожить его. Он дождался пробуждения питомца и только тогда закрыл книгу, собираясь на утренний рынок. Мясо в доме закончилось — если не пополнить запасы, и ему, и Туаньцзы скоро будет нечего есть.

«...»

Только когда хлопнула входная дверь, Имюэль окончательно пришел в себя. Он поднял обе лапки и с силой потер мордочку мягкими подушечками.

«Надо же... проспять всю ночь на его руке».

Всего за несколько дней он почти полностью утратил бдительность.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Пусть этот лекарь и содержал подпольную клинику без лицензии, а его профессиональная этика вызывала вопросы, к коту он относился вполне сносно: кормил отборным мясом, пускал в постель и даже не разозлился, когда его оцарапали.

Имюэль невольно пересмотрел свой статус.

«...Похоже, теперь я — любимый домашний питомец?»

От этой мысли герцога передернуло. В Иллирии слово «любимица» обычно применялось к фавориткам старого герцога. Этот омерзительный, заплывший жиром старик обожал юных красавиц, и каждый раз, когда Имюэль видел, как тот ведет под руку очередную хрупкую девушку, его едва не выворачивало наизнанку.

Почувствовав приступ дурноты, он потрянул головой, отгоняя мерзкие образы, и спрыгнул на пол.

Бай Юй в это время поправлял воротник пальто перед зеркалом. Заметив кота, он мимоходом бросил:

— И не вздумай сегодня выходить на улицу. Говорят, в городе начались облавы на бродячих кошек.

Врач понимал, что животное не разберет ни слова, но привычка разговаривать с подопечными была сильнее.

— Если тебя поймают, я не смогу тебе помочь.

Имюэль замер на полушаге, его лапка зависла в воздухе. Прежде чем врач успел что-то заметить, он непринужденно опустил её и потрусил прочь. Для маленького кота его лапки и впрямь были коротковаты.

Как только за врачом закрылась дверь, Имюэль со всех ног помчался вниз и запрыгнул на смотровую кушетку. С этой высоты через маленькое окошко, выходящее на улицу, можно было наблюдать за происходящим снаружи.

Район, где жил лекарь, располагался в восточной части Иллирии — месте довольно беспокойном, где верховодили банды, а различные группировки сохраняли лишь хрупкое и шаткое подобие мира. Гвардейцев герцогского дворца здесь было немного, а тех, кто подчинялся лично Имюэлю — и того меньше. Пока что он не мог повлиять на здешние порядки.

На рынке, как всегда, былолюдно, и поначалу казалось, что ничего не изменилось. Но Имюэль наметанным глазом сразу заметил: подозрительных личностей с повадками бандитов стало гораздо больше. Хотя они и пытались сойти за обычных горожан, во многих сквозила нескрываемая наглость и бандитский шик. Они бродили в толпе, явно что-то высматривая.

Взгляд Имюэля остановился на рослом мужчине со шрамом через всё лицо. Незнакомец сжимал в руках холщовый мешок. Содержимое явно было тяжелым — мешок сильно оттягивал руку, и по его очертаниям герцог догадался, что внутри спрятан тяжелый молот. Одного удара по затылку такой штукой хватит, чтобы лишиться сознания, а второго — чтобы отправить на тот свет.

Мужчина, видимо, заметил знакомого, обменялся коротким приветствием и направился напрямиком к дому лекаря. Там он остановился и завел разговор с какой-то госпожой.

Имюэль бесшумно спрыгнул с кушетки. Притаившись у самого окна, он наострил уши, ловя звуки снаружи. Час утренней торговли был в самом разгаре, на улице стоял невообразимый шум, но Имюэлю удалось уловить обрывки фраз: «бродячие кошки», «облава», «количество»...

Больше разобрать не получалось. На подоконнике стоял горшок с плющом. Оценив высоту, кот легким прыжком взлетел на окно и, спрятавшись за густой зеленью, продолжил наблюдение. Бай Юй оставил небольшую щель для проветривания, и через неё голоса стали слышны гораздо отчетливее.

Голос мужчины был хриплым и неприятным. Будь здесь Бай Юй, он бы сразу узнал своих вчерашних знакомых — Акулу-молот и Госпожу.

Слова Акулы-молота доносились из-за окна обрывками.

— Хех, когда я услышал, что за бродячую кошку дают награду, думал — шутка. А вчера притащил одну — и правда, получил два серебряных. На кой черт этому безумцу сдались бродячие кошки?

Вчера самая могущественная банда города, Общество Чёрной Мантии, объявила награду: любой горожанин, поймавший бродячую кошку и доставивший её в штаб-квартиру, получал деньги. Поиски сосредоточились вдоль берегов реки Хотон и в окрестных кварталах. Снаружи Акула-молот и Госпожа, разумеется, не называли имен и прозвищ, притворяясь обычными обывателями.

— Кто знает, что у этих шишек в голове, — отозвалась Госпожа. — Говорят, гвардейцы герцога тоже рыщут повсюду. Все словно с ума посходили.

Герцог исчез, Иллирия замерла в ожидании бури, и вдруг обе силы разом ополчились на кошек. Это выглядело по меньшей мере странно.

— Эти верхи творят что хотят, а мне расхлебывай, — проворчал Акула-молот. — У них, видите ли, норма стоит. Теперь на улицах не то что кота — крысу не сыщешь, всех в штаб стащили. Где мне еще двоих взять?

В отличие от простых горожан, рядовые члены Общества были обязаны сдавать определенное количество «трофеев». Бай Юй, как врач, считался гражданским спецом, а Госпожа была женщиной, так что их это не касалось. Норма висела только на Акуле-молоте.

Тот почесал затылок, бормоча под нос:

— За каждую по два серебряных... Мне уже жрать не на что. Раздобуду пару штук, закрою план — глядишь, и на обед останется. И обязательно ли им быть бродячими? Может, у кого из дома стащить?

— Так хватай любую, — усмехнулась Госпожа. Прикрыв рот ладонью, она добавила:

— Тут ведь как раз одна есть. Этот Ворон — человек холодный, никогда не любил зверье. Не знаю, откуда у него этот кот взялся. Он вернется — ты с ним потолкуй, он не обидится.

«!»

Услышав слово «тут», Имюэль мгновенно среагировал. Он приготовился прыгнуть обратно в комнату, его сердце бешено заколотилось, выбрасывая в кровь адреналин. Он даже не дослушал следующую фразу, но Акула-молот оказался быстрее. Створка окна была лишь слегка прикрыта — бандит резким движением распахнул её. Горшок с плющом с грохотом полетел на пол, а тяжелая рука вцепилась Имюэлю в самый кончик хвоста.

Кот пытался увернуться, но хвост был слишком длинным. Он не успел спрыгнуть, как его уже крепко держали.

«!»

Вся тяжесть тела прилась на хвост. Боль от копчика мгновенно пронзила всё тело, и Имюэль отчаянно забился в чужой хватке.

«Проклятье!»

Он никак не ожидал, что этот человек посмеет сунуться прямо в дом. Но Акула-молот был крепким мужчиной, и жалкие попытки кота вырваться были для него не серьезнее укуса мухи. Он легко подавил сопротивление, настежь распахнул окно и вытащил Имюэля наружу. Ухватив кота за хвост, он поднял его перед собой.

— Золотистый... Какая редкая шерсть, — заметила Госпожа.

Акула-молот присмотрелся.

— Из такой шкурки вышел бы славный воротник. Как думаешь, за такой окрас накинут пару лишних монет?

— Сначала узнай, не его ли ищут, — посоветовала женщина. — А если нет — отдай мне. Мне как раз не помешал бы золотистый воротник.

Их взгляды блуждали по тельцу Имюэля, словно они уже прикидывали, где сделать первый надрез, чтобы аккуратно снять красивую шкурку.

Имюэль до боли прикусил губу.

«Нет... нельзя... нельзя позволить им утащить меня в штаб».

Герцог смутно догадывался, кто именно его ищет. Он рванулся в руках Акулы-молота с такой силой, что тот едва не выронил его. И в это самое мгновение Имюэль, извернувшись, вонзил зубы в предплечье бандита.

Его клыки были единственным острым оружием, и на коже громили тут же расплылись две кровавые раны. Акула-молот зашипел от боли, и в его глазах вспыхнула ярость. Он грубо перехватил кота за челюсть, заставляя того разжать зубы, а затем занес вторую руку для удара. Прежде чем тащить эту тварь в штаб, он собирался проучить наглого кота.

Попытка к бегству провалилась. Мордочка Имюэля была в крови, он выплюнул сгусток и с вызовом посмотрел на своего мучителя. Даже в облике маленького кота он ухитрился выглядеть гордым и непоколебимым.

— Ого, ты еще и смотришь на меня так? — удивился Акула-молот. Он поиграл мышцами, демонстрируя свою силу, но в следующую секунду по его голове с глухим стуком прилетел тяжелый пакет с огурцами.

Удар был неожиданным и сильным. Огурцы были тяжелыми, и Акула-молот на мгновение потерял ориентацию, невольно разжав пальцы. В ту же секунду чья-то рука перехватила его предплечье и вывернула его под неестественным углом.

— Твою ж... — начал было Акула-молот.

Договорить он не успел. Бай Юй, зафиксировав руку противника, резко дернул за сустав. Раздался сухой, отчетливый хруст — и рука безвольно повисла. Как ветеринар, он досконально знал анатомию суставов.

От резкой боли Акула-молот не смог даже закричать.

Золотой комок мгновенно оказался в надежных руках. Он неосознанно, изо всех сил прижался к груди врача, словно хомячок, роющий норку. Все пуговицы на пальто Бай Юя расстегнулись под его натиском, и котенок юркнул под одежду. Оказавшись между пальто и тонкой рубашкой, он продолжал настойчиво лезть внутрь, словно только близость к телу лекаря могла подарить ему чувство полной безопасности.

Поведение кота походило на сильный нервный срыв. Бай Юй укрыл его полрой пальто и нежно погладил по голове, успокаивая:

— Всё хорошо. Я здесь.

Этот жест был знаком Имюэлю — врач всегда так его утешал. Герцог почувствовал себя ребенком, который после долгой обиды наконец нашел защиту у старшего. Он потерся мордочкой о грудь мужчины, чувствуя, как внутри всё клокочет от пережитого ужаса и обиды.

Госпожа изумленно ахнула:

— Вы?!

Бай Юй даже не удостоил их взглядом. Он лишь небрежно оттолкнул коленом стонущего Акулу-молота, освобождая путь к двери, и достал ключи. Лишь на мгновение он обернулся, и его голос прозвучал ледяным холодом:

— Это мой кот. Вы что, не знали?

<http://bllate.org/book/15869/1504338>